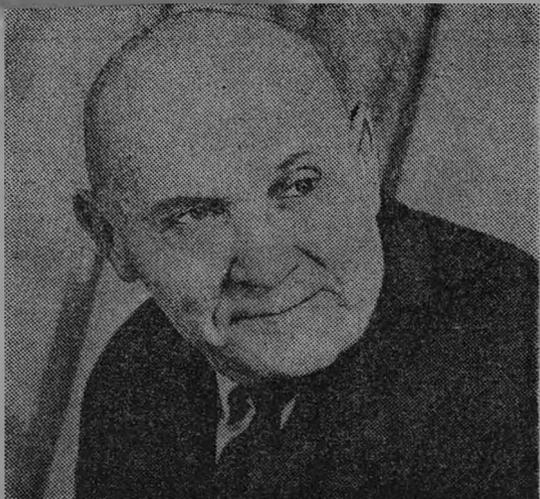

ОЧЕРК

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ НА СЦЕНЕ

ОН ЛЕЖАЛ, закрыв глаза, и не мог уснуть.

В окна хлестал колочий жесткий ветер. Легкий морозец серебрил стекла, ледяной коркой примыкая к раме.

Нет сна. В радости и в горе не спится человеку. Лучше, когда в радости.

...Звонок из театра был неожиданным. После вынужденного, в несколько лет, перерыва Данила Исидоровича Антоновича приглашали на роль в новом спектакле. Вздвигнутый, расстроженный, артист вышел на сцену и, опустившись на колени, поцеловал святые подмостки...

Шестьдесят лет назад отдал он навсегда свое сердце театру. Было это в маленьком городишке на Сумщине. И звали его тогда просто Данилка Будько.

Говорят, детство, юность запоминаются крепче, чем все последующие годы. Где бы и как бы ни прошла твоя молодость — в бедной ли лачуге, в тяжком труде — видится она тебе с годами прекрасной и снится цветными снами: с голубым небом, зелеными травами.

Закрывает глаза Данила Исидорович — перед ним выгон на окраине и выр с холодной ключевой водой.

Ранней весной, только снег спадет, бывало, он с ватагой таких же босоногих сорванцов уже с палками на льдинах. Речушка узкая, кругом кустарник да вербы рыхлые, ветвистые, а чудит-

ся им океан безбрежный, и плывут они капитанами в неведомые края.

Мать по людям ходит, стирает. Отец батрачит. Дома девять ребятишек — малюпа меньше. Как накормить, одеть всех? Сухарей намочит мать в воде, оставит детям на день. Ешьте! А то ждите. Может, люди из жалости чем оделят. Трудные годы...

Данила Исидорович вздыхает, ищет ногой шлепанцы, и, набросив халат, подходит к окну.

Ветер утих. В блеклом призрачном свете уличных ламп мягко падает снег. Лапчатый синий снег.

К рождеству Белополье утонуло в сугробах. Метель кружила всю ночь и по крышу занесла маленький клуб-сарай, приютившийся над обрывом в городском саду. К вечеру здесь растопили печь, расставили скамьи, отбросили снег у входа.

Любителей театра в Белополье было много. Местный учитель Федор Леонтьевич Жабко — страстный поклонник Мельпомены — разыгрывал с ними украинские мелодрамы, в которых всех страдающих Марусь и Галь играла его красавица-дочь.

В черном сюртуке, в белой косоворотке и в валенках Федор Леонтьевич ходил по сцене, подкручивал пыльные шевченковские усы

и думал о Назаре. Как-то сыграет его сегодня Данила? Нравился ему парень. Жабко вспомнил первую встречу, когда бедно одетый, худой, высокий мальчик попросился в «массовку»: «Хочу с саблей среди казаков!»

Дебют чуть не окончился плачевно. Новый статист так старательно размахивал на сцене деревянной саблей, что едва не снес голову одному из участников спектакля.

— Ты где учишься? — спросил его Жабко.

— У портного, — ответил мальчик. И прихвастнул: — Уже петли метаю.

Но из «портняжьего дела» Данилка скоро ушел. Устроила мать в городскую управу, потом в волостное правление, потом к нотариусу. Везде напобегушках. Не нравилось Даниле. Только на железной дороге удержался. Работал переписчиком вагонов. А двоюродный брат Николай — человек начитанный, знающий — машинистом. К Николаю часто навдывались друзья, такие, как и он, рабочие люди. Данила любил слушать их разговоры, любовался в такие минуты братом, горячим, непримиримым спорщиком. Николай давал ему читать книги, объяснял непонятное. Как-то он послал его на улицу Замостье.

— Познакомься там с ребятами, скажи, от меня пришел.

На Замостье собиралась революционно настроенная

молодежь. Об этом Данила знал. Он даже видел не раз Киселя, рабочего железнодорожных мастерских, который — ходили слухи — руководил белопольскими подпольщиками. Шел 1905 год. В рядах железнодорожников в первомайской демонстрации по улицам Белополья шел и Будько. Полиция разогнала рабочих, и юноша вместе с другими долго сидел в каталажке. Здесь он и встретился впервые с Леонидом Антоновичем, студентом Петербургского университета.

С того дня многое изменилось в жизни Данилы. Антонович стал для него человеком, научившим его мечтать. Петербургский студент поразил воображение впечатлительного мальчишки. Он говорил о своей любви к Родине так, как никто никогда не говорил. И Данила плакал. Он читал революционные стихи, юноша ночью лихорадочно повторял их, стараясь запомнить.

В Белополье приезжает украинская труппа Садовского и Заньковецкой, и Леонид Антонович берет с собой юношу на спектакль «Суета». Будто раздвинулись стены ветхого сарайчика-театра, когда на сцену вышел статный красавец Никола Садовский. Звучно-голосый, темпераментный, он говорил страстно, зажигающе слова монолога Ивана, а Данила Будько думал: «Я сыграю эту роль».

Он мечтал о Карле Moore

и о Глумове, о Железняке и о Гнаге Голом, и о многих других ролях. Он хотел стать артистом и говорить со сцены людям правду. Говорить какие-то особенные, от сердца идущие слова, как Иван в «Суете», и чтобы люди, слушая его, вставали с мест, взявшись за руки. Антонович говорил ему о грядущей революции. А юный Данила чувствовал ее сердцем. Он стоял на маленькой сцене сельского клуба, худой, бледный от недоедания и недосыпания, и с горящими глазами читал:

«Поховайте та вставайте, Кайдани порвите. I вражою злою кровью Волю окропите».

красным. Антонович уезжал с Украины в Москву. Здесь тогда рождалось новое советское искусство.

В мастерских рабочего театра Московского пролеткульта прыгали, лазили по канату, занимались пластикой, голосом. Здесь экспериментировал Сергей Эйзенштейн. Он начинает работать в кино. Первые советские фильмы Эйзенштейна становятся теми лентами, которые войдут как классика в сокровищницу мирового искусства.

Эйзенштейн снимает «Стачку», «Броненосец «Потемкин». И в роли революционного матроса участвует в обоих фильмах Данила Антонович.

В 1926 году он возвращается в Харьков. Друзья зовут его на украинскую сцену. Данила Исидорович стал работать в Харьковском украинском театре. Более 200 ролей сыграл он за 60 лет творческой жизни.

60 лет...

Мирно тикают часы в столовой. По стене бродят тени от проезжающих внизу машин. Свет падает на фотографии на стене: Отелло, Железняк, Гайдай из «Гибели эскадры», Тихон из «Грозы». А вот сцены из «Марии Тюдор» — Джильтберт.

Да... Кем только ни был за свою жизнь бедный крестьянский паренек Данилка Будько, народный артист СССР Данила Исидорович Антонович! И королями, и князьями, и воинами. Даже Мавром...

Выучила его, дала ему богатую жизнь творца — Революция.

...Он выходит на улицу. Падает снег. Замерзли тихие клены у дома.

«Завтра у меня «Бесталанная», в четверг — «На седьмом небе», — думает артист.

Падает снег... Идет по ночному городу задумчивый немолодой человек. Завтра он снова встретится со своими зрителями. Шестьдесят лет каждый вечер он выходит к сверкающей рампе и дарит людям свое сердце.

И. ЩЕРБАКОВА.